

20.10.20

ДИСКУССИЯ О КРИЗИСЕ В РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ПЕССИМИЗМ И ОЖИДАНИЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРГ 13-20 ОКТЯБРЯ

Введение санкций со стороны ЕС в отношении российских официальных лиц, ответственных, по мнению официального Брюсселя, в отравлении блогера Алексея Навального, подвело символическую черту под дискуссией о современном состоянии российско-германских связей. Пакет персональных санкций вводился при деятельном участии Берлина, который взял на себя инициативу в определении «европейского» ответа на действия Москвы.

Разговор о текущем состоянии российско-германских отношений начался на фоне новой серии скандалов между Берлином и Москвой, прежде всего, случая Навального. Он был открыт **публикаций** Дмитрия Тренина, в которой эксперт провозгласил конец «особых» отношений между Россией и Германией. Резкие заявления немецких политиков, включая канцлера Ангелу Меркель, по ситуации с предполагаемым отравлением известного российского блогера, с точки зрения Тренина, стоит рассматривать как принципиальный отказ ФРГ выступать в роли «адвоката» Москвы. Если раньше в аналогичных кризисных ситуациях Берлин пытался выступить медиатором в отношениях между Россией и Западом, гласно и негласно призывая проявить к Кремлю больше понимания и терпения, то теперь он сам фактически возглавил кампанию осуждения российских властей.

Вскоре на публикацию последовал и немецкий ответ. Сабина Фишер из SWP, не отрицая проблем в российско-германских отношениях, **возразила** российскому коллеге в определении времени наступления «поворотного момента». В её представлении, тональность в диалоге Москвы и Берлина сменилась в 2011 г., на фоне сопровождавшегося акциями протеста возвращения Владимира Путина на

должность президента России, свертывания «модернизационной» риторики Дмитрия Медведева и развития отношений с государствами у восточных рубежей ЕС. Эти события в совокупности подорвали доверие немецкого политического истеблишмента к России и поставили под вопрос развитие российско-германских отношений на основе общих ценностей. По мнению Фишер, российское руководство до сих пор не осознало или не захотело осознать сдвиг в немецком отношении к политике Москвы, списывая большинство проблем на негативное американское влияние, и в целом не настроено разбираться в ситуации из-за невысокого мнения о Европе, а вместе с ней и Германии, как о реальной силе в международных отношениях.

За текстами Тренина и Фишер последовала серия материалов российских и немецких экспертов, развивающих идеи о том, почему в отношениях между Москвой и Берлином сейчас всё так плохо, и почему такая ситуация будет продолжаться еще долгое время. Штефан Майстер из DGAP **согласился** в оценках начала проблем в российско-германских с Фишер, указав на период 2011-2012 гг. На сегодняшний день, по мнению Майстера, никакой конструктивный диалог между Россией и Германией невозможен. Это касается и совместной работы по разрешению международных кризисов, о которой так часто заявляют в немецком правительстве, т.к. стороны имеют разные интересы и инструментарий влияния. Вместо курса на «сотрудничество ради сотрудничества» Майстер призывает к комплексному давлению на российские власти за счет экономических мер, борьбы с экспортом российских коррупционных практик, взаимодействию с оппозиционным гражданским обществом и деятелями культуры, а также интенсификации взаимодействия со странами «Восточного партнерства», предполагающего перспективу членства в ЕС.

Российский взгляд на проблему **развил** Фёдор Лукьянов. Как полагает эксперт, после того как объединенная ФРГ начала осваиваться в качестве ведущей силы в ЕС, российское направление её внешней политики стало источником проблем и разногласий, систематически мешающим достижению внутриевропейского единства. В работе с партнерами по ЕС Берлин вынужден учитывать фобии восточноевропейских государств о «российской угрозе». Москву же мало интересует ценностная риторика Запада (идеологически важная для немецкой дипломатии), которая в целом утратила свою универсальную привлекательность, а её хорошие отношения с восточными соседями позволяют не беспокоиться об изоляции. В итоге, реальная ценность российско-германского взаимодействия поставлена под сомнение. Содержательный диалог между Германией и Россией будет возможен только после обретения этими странами своей новой идентичности в меняющемся мире.

Развернувшаяся дискуссия стала первым сравнительно широким и предметным обсуждением актуального состояния российско-германских отношений за долгое время. Получив импульс от цепочки кризисов последних лет, она при этом совпала с тридцатой годовщиной существования единого германского государства, появление которого было бы невозможно без благожелательной позиции Москвы. Неслучайно, многие эксперты, рассуждая о завершении «особого» периода в отношениях России и ФРГ, брали за точку отсчета именно объединение Германии. Советское, а затем российское руководство надеялось на благодарность со стороны немецких политиков, готовых стать проводниками в мир Запада. До определенного времени эта система работала, однако к началу 2010-х гг. постепенно утратила свою актуальность.

Между тем, сама дискуссия, утихшая после объявления персональных санкций со

стороны ЕС в адрес российских чиновников, в нынешнем виде остается содержательно ограниченной. Вместо поиска новых подходов или концепций, её основные участники либо философски признают «обреченность» российско-германских отношений, либо, что характерно для немецких участников, призывают к жестким действиям в адрес Москвы, повторяя риторику политиков-атлантистов.

Можно выделить несколько причин такого положения.

Во-первых, в ходе дискуссии участники редко обращались к конкретной фактуре российско-немецких отношений, рассматривая ситуацию с высоты «больших сюжетов» мировой политики. За общей картиной «леса» остались невидимы сами «деревья». Взаимодействие Москвы и Берлина в какой-то момент полностью перешло в проблемное пространство России и Запада, в значительной степени утратив внутреннюю специфику. Экономическое сотрудничество редуцировалось до важного, но все же не единственного проекта «Северный поток – 2», социальное взаимодействие – до вопросов финансирования НКО, культурные связи – до поддержки Берлином проживающих в Германии российских артистов. Оправданная в случае со многими другими государствами, такая схематизация российско-германского взаимодействия привела к упрощению дебатов.

Во-вторых, развитие дискуссии проходило под сильным влиянием медийного освещения кризисных событий последних месяцев. Фишер и Майстер в своих текстах продолжили критический тон немецких СМИ в адрес России. Российские эксперты предпочли со своей стороны остаться на позициях отстраненного пессимизма. Низкий запрос со стороны массовых медиа на компромиссный подход предопределил повышенное внимание к описанию проблем в российско-германских отношениях при беглом анализе путей их конструктивного решения.

В-третьих, вероятно, под влиянием юбилея германского воссоединения, участники дискуссии, оценивая динамику российско-германских отношений, отталкивались, прежде всего, от опыта последних 30 лет. Изредка возникали упоминания о «новой восточной политике» Вилли Брандта. В результате без внимания остался, например, опыт первой «аденауэрско-хрущевской» нормализации двухсторонних отношений или канцлерство Гельмута Шмидта. Широкий взгляд на панораму российско-немецких связей мог быть представлен не только в проблемном ключе, но и хронологически.

Введение ограниченных персональных санкций и новые заявления немецких официальных лиц о необходимости продолжить работу по строительству газопровода «Северный поток-2» в определенном смысле вернули дискуссию на первоначальные позиции. Громкие заявления о пересмотре всей системы отношений с Москвой вылились в привычный набор избирательных мер. Для одних – это стало аргументом в пользу скромных возможностей европейцев по влиянию на российское руководство, для других – подтверждением традиционного конфликта ценностей и интересов немецкой дипломатии.

Быстрое включение авторитетных экспертов в дискуссию о российско-германских отношениях свидетельствует о том, что запрос на открытый разговор по данной теме в России и ФРГ действительно назрел. Однако без подключения профильных специалистов он остается «взглядом сверху» со всеми достоинствами и недостатками такого подхода. Достижения представительных диалоговых площадок, таких как

«Петербургский диалог» или «Потсдамские встречи», аккумулирующих широкий опыт российско-германского взаимодействия, оказались за рамками прошедшего обсуждения и, соответственно, вне внимания широкой аудитории.

Можно ожидать, что тема России получит новые импульсы к обсуждению в преддверии парламентских выборов ФРГ осенью 2021 г. С учетом высоких шансов на формирование по их итогам черно-зеленой коалиции ХДС\ХСС-«Зеленые» тон в дискуссии будут задавать скорее критики Москвы. Многое будет зависеть от личности нового руководителя христианских-демократов и кандидата на канцлерский пост.

С российской стороны внимание к взаимодействию с ФРГ будет зависеть как от оценок внутривнутриполитической динамики в Германии и ЕС, так и от характера взаимодействия Берлина и Москвы там, где оно еще сохраняет высокую значимость для международных отношений. В отличие от ситуации с США, где скепсис в адрес диалога усилен разбродом и шатанием перед президентскими выборами, перспективы взаимодействия с ФРГ не выглядят безнадежными. В условиях стремительно меняющегося мира Москва и Берлин вполне могут найти в нём для себя места по соседству.

Источник: **Дискуссия о кризисе в российско-германских отношениях: пессимизм и ожидания**

ОБ АВТОРЕ

Артем Соколов

Эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Германия, Европейский союз

Область экспертизы: Специалист по внешней и внутренней политике Германии, российско-германским отношениям.

Профессиональный опыт: С 2017 г. – старший преподаватель Кафедры исторических наук МГЛУ, с 2018 г. – научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Автор еженедельного дайджеста внешней политики ФРГ.

